

Зубкевич Лада Альбертовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Нижегородской академии МВД России

**Субъект общественного развития и переходные состояния исторического процесса
в контексте социально-исторической памяти**

В настоящий период познавательной значимостью обладает вопрос об особенностях субъекта общественного развития в ситуации переходных состояний исторического процесса. Эти особенности становятся очевидны при рассмотрении их в контексте социально-исторической памяти.

Вопрос о субъекте общественного развития хорошо исследован в науке, но, несмотря на это, остается дискуссионным. Можно выделить как минимум три подхода в определении субъекта общественного развития: 1) «народы делают историю»; 2) «классы делают историю»; 3) «личности делают историю» (здесь могут рассматриваться социальные группы, великие и не очень личности, или иные «акторы»). Мы не будем занимать чью-либо сторону в этой дискуссии, так как в ситуации переходных состояний субъектом выступают все перечисленные выше феномены.

В переходном состоянии в обществе возникает множество переходных форм, которые сочетают в себе «старое» и «новое» качество исторического процесса. Это замкнутые, самодостаточные факторы, которые также являются субъектами переходных процессов в обществах, так как субъект развития это тот, кто совершает поступки, мыслит, влияя на окружающую его действительность.

В переходном состоянии (переход от одного качества общественного развития к другому) роль субъективного фактора становится определяющей. Это значит, что все без исключения выше перечисленные субъекты становятся носителями «символической власти», если приобретают доверие и авторитет в обществе, если закреплены в социально-исторической памяти. Эта власть делает ее обладателей объективными по отношению к другим членам общества. Но одновременно «символическая власть» сама становится неумолимой действительностью для субъекта, обладающего ею, посредством своей символичности, которая становится ресурсной, организационной, информационной поддержкой. Ни традиции, ни законы, ни социальные институты не обладают властью вообще, если они не «символичны». Именно переходные формы из-за своей внутренней противоречивости, аналогичной противоречивости переходных процессов в обществе, в ситуации переходного состояния исторического процесса из-за своей адекватности действительности обладают наибольшей символичностью (доверием, авторитетом).

Но переходные формы конкурируют между собой за эту «символическую власть», определяющим фактором здесь является условное соотношение «старого» и «нового» в этих формах. Побеждает тот, кто наиболее адекватен к новым возникающим потребностям развития. В рамках переходных форм институционализируются и регулируются культурные практики, образуются собственные идентичности. По мере углубления переходных процессов в обществе все субъекты развития становятся переходными формами, так как «старое» качество со всеми своими атрибутами уходит постепенно в прошлое, но оставаясь в социально-исторической памяти, сохраняют свой «символизм», а «новое» возникает только посредством переходных форм через регулирование этих новых идентичностей.

Примером этого процесса может служить переходное состояние российского общества начала XX века. Возникающей тогда переходной формой и субъектом общественного развития стали «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», позднее «Советы народных депутатов». Она сочетала в себе старые общинные устои общих собраний, а теперь членов общества, дифференцированных по социально-классовому признаку (позже он был заменен на производственный), а также относительно новый для России парламентаризм, с его принципом представительной власти и выборности. В результате институционализации этой формы на государственном уровне сложилась новая иерархическая система управления, где на базовом уровне управление осуществлялось общими собраниями трудовых коллективов, а далее на более высоких уровнях (районы, города, области, республики, страна) — собраниями представителей. Эта система управления соединяла в себе законодательную и исполнительную власть. Собрания принимали решения, которые становились законами, выбранные здесь же представители между собраниями выполняли роль исполнительной власти.

Кроме революционности в этой форме присутствует традиционность, так как «Советы» стали продолжением культурно-исторической традиции Руси, где «русский народ всегда и во все эпохи

вырабатывал одну и ту же схему управления. Об этом писали такие идеологически различные люди, как Алкснис и Константинов, Хасбулатов и митрополит Иоанн. Всегда в России управление включало в себя как бы три ствола: исполнительную власть, народовластие и систему святынь. Исполнительная власть внешне наиболее бросается в глаза, и она всегда достаточно жесткая (иначе анархически-свободолюбивый народ не подчинишь). Но она будет делать только то, что обсуждено в другом стволе народовластия. Этот ствол был в России всегда: вече и народные собрания, мирские сходы, земские соборы, дворянские собрания, партийные и профсоюзные собрания и т. п. Обсуждалось все, и здесь вырабатывались все решения. Однако душой и сердцевинкой всего являлся третий ствол святынь или ценностей¹. Таким образом, происходит «метаморфоза»: субъективизация объективного и, наоборот, объективизация субъективного, в зависимости от ситуации субъект и объект обращаются друг в друга. Конечно, конкретные проявления переходных состояний исторического процесса зависят от предыдущей истории, от этнических социокультурных особенностей народа, от социального пространства, экономического развития и т. д., но прежде всего они в большей степени случайны (в рамках необходимости развития) из-за описанной «метаморфозы».

Современное переходное состояние исторического процесса сочетает в себе в качестве «старого» этногенез, а «новым» является тенденция, выражающаяся в глобализации. Современные субъекты общественного развития аналогично сочетают в себе глобальное и этническое. Главной целью любых переходных состояний является приобретение устойчивости в общественном развитии. В этом случае она может быть обеспечена способностью конкретного этноса уравновесить в своем развитии эти две противоположности. Под этой способностью С. М. Широкогоров понимал «импульс», «мощь этноса», его характер. Однако автор считал, что равновесие нарушает высокая степень развития культуры этноса, под последним он понимал усложнение социального устройства, этнических связей, другими словами — полиэтничность². Эта идея подтверждается. Наиболее равновесными сегодня являются малые этносы. Они и другие этнические образования могут рассматриваться как переходная форма общественного развития и, одновременно, как субъекты этого развития. На практике мы наблюдаем сильные дезинтеграционные тенденции в их развитии, даже стремление к изолированности, что, конечно, фатально для них и для полиэтнических обществ, в состав которых они входят, так как это также нарушает принцип уравнивания «старого» и «нового».

Ю. В. Бромлей, напротив, с нашей точки зрения, в своем представлении о развитии этносов был более близок к уравнивающей модели. Началом развития считал «элементарные этнические единицы» как предел делимости, финалом представлялись «макроэтнические единицы». Они сочетают в себе базовые единицы, соединенные между собой культурными и социальными связями, и, что не менее важно, — общим самосознанием. Поэтому усложнение социального устройства и прогрессивное культурное развитие выступают здесь гарантом равновесия при любых изменениях состояний³. Советский этнограф предполагал, что внутри макроэтнических общностей происходит переход «элементарных этнических единиц» к все более прогрессивным уровням культуры под давлением самосознания макроэтнической доминанты (потребность соответствовать).

Описанные процессы развития происходят на определенной территории, в пространстве в природно-географическом и социальном смысле. Оно напрямую влияет на этногенез, глобализацию, культурное и социальное развитие. «Социальная организация построена так, чтобы ее порядок соответствовал принципам гомеостаза, а значение энтропии было минимальным. Всякое чрезмерное сближение или расслоение элементов способны привести к дезорганизации»⁴. Поскольку социокультурное пространство двойственно: оно внешнее (человек в нем) и внутреннее (сфера отношений между людьми), постольку двойственно понимание свободного и не свободного пространства. А. М. Бекарев считает, что свобода «возникает в условиях такого пространства, где человек беспрепятственно действует и живет. Свобода требует распространения»⁵. С нашей точки зрения, это и есть двигатель глобализации. В современных условиях переходного состояния

¹ Бенедиктов Н. А. Русские святыни. М.: Алгоритм, 2003. 272 с.

² Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos> (дата обращения 03.03.2021).

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 47.

⁴ Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Из-во Нижегородского университета, 2000. С. 10.

⁵ Там же. С. 6.

подобное «распространение» применительно к субъекту развития приводит к появлению лишних людей, этносов, социальных групп и пр. Причем такое дихотомическое деление относительно конкретного субъекта, позиции этого субъекта в обществе и т. д., так как переходный процесс многофакторный. Поэтому «объективная видимость вещей (хотя бы временно), ... порождает в обществе массу «перевертышей», когда самые необходимые люди кажутся лишними, а действительно лишние — необходимыми»¹.

Следовательно, чем больше свободы, тем больше не нужных никому людей. Это проявляется очень наглядно при реализации либерально-глобалистического сценария развития, осуществляемого сегодня в мире. Описанная Бекаревым А. М. ситуация традиционно для мировой политической терминологии называется проблемами миграции, неравенства, бедности, за этими простыми словами стоит история противостояния двух противоположностей в этносах как субъектах развития: глобального и локального.

Как мы видим, главной особенностью субъекта общественного развития в условиях переходных состояний исторического процесса является свойственная этим процессам двойственность (сочетание «старого» и «нового» в развитии). Характерна также способность к уравниванию бинарных оппозиций за счет усреднения показателей этих оппозиций, и, посредством этого, возможность компенсации и нейтрализации противоположных тенденций в развитии общества в целом. Сегодня основным наиболее результативным и адекватным субъектом развития видится этнос (в любых его формах: народность, нация, и пр.), но только если он способен противопоставить неустойчивости переходных состояний свое ядро (территория, язык, самосознание, этноним), периферию своей системы социальных связей, сочетающих традицию и инновацию, с его правовой системой, которая должна ориентироваться на уравновешенное сочетание этнических и общечеловеческих морально-нравственных, правовых констант.

Поскольку причиной неустойчивости современного этапа развития являются бедность и глобальное неравенство, то культурное и этническое многообразие мира не угрожает устойчивости мирового развития. В современном переходном состоянии исторического развития культурная самобытность формируется и изменяется, со временем меняется и ее влияние. Культура не только наследуется, она также создается и выбирается. В современном мире большинство людей имеет множественную самобытность, что может даже снизить риск конфликта, так как затрудняет фрагментацию общества.

Синченко Георгий Чонгарович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Закон и память

Мотив взаимополагания ценностного и аналитического измерений права идет из недр национального мировосприятия, на что указывает русская лексема *право*, в чьей семантике заданное и предписанное перекликается со справедливым и оправданным. Такую идею, методологически преемственную еще с рассуждениями Н. К. Михайловского о правде-истине и правде-справедливости, я расслышал в докладе А. Л. Анисина. Не отрицая ее, задумаемся: верно ли, что внутренняя ценностно-аналитическая сопряженность концепта право — это явление специфически русское? Согласно Оксфордскому справочнику по праву — нет: «...В тех языках, в которых существуют разные термины для обозначения частного, конкретного (*lex, loi, gesetz, legge, ley* и т. п.) и общего, абстрактного (*jus, droit, Recht, diritto, dereho* и т. п.) смыслов права, термин право, применяемый в общем, абстрактном смысле, обозначает также идеи правого и справедливого». Причем полностью подняться над диалектикой описательного и валюативного не смог и автор этого наблюдения Д. Уолкер, говорящий и пишущий по-английски, то есть на языке другой группы. На взгляд Уолкера, двойственность семантики *права* «создает новые возможности для смешения понятий»² (т. е. это плохо), а согласно русской

¹ Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Из-во Нижегородского университета, 2000. С. 65.

² Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press publ., 1980. P. 716.